

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-168-177>

Особенности правовой оценки субъективных элементов составов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности

Магнатов Юрий Сергеевич

Борский городской суд Нижегородской области, Бор, Россия, magnutov_u_s@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на особые, юридически значимые характеристики субъективных элементов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности. Определено содержание форм вины, с выделением общих и специальных характеристик, вытекающих из положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Отдельно представлены характеристики общего и специального субъектов, совершающих деяния, с признаками специальных организованных форм экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, специальные организованные формы экстремистской деятельности, вина, субъективная сторона, субъект

Для цитирования: Магнатов Ю. С. Особенности правовой оценки субъективных элементов составов преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 168—177. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-168-177>.

Original article

Peculiarities of legal assessment of subjective elements of offenses containing signs of special organized forms of extremist activity

Yury S. Magnutov

Bor City Court of the Nizhny Novgorod Region, Bor, Russian Federation, magnutov_u_s@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the special, legally significant characteristics of the subjective elements of crimes containing signs of special organized forms of extremist activity. The content of the forms of guilt is determined, with the allocation of general and special characteristics arising from the provisions of the Federal Law “On countering extremist activity” and the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On judicial practice in criminal cases on crimes of extremist orientation”. Separately, the characteristics of general and special subjects committing acts are presented, with signs of special organized forms of extremist activity.

Keywords: extremism, special organized forms of extremist activity, guilt, subjective side, subject

For citation: Magutov Yu. S. Features of the legal assessment of the subjective elements of crimes containing signs of special organized forms of extremist activity. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 168—177. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-168-177>.

Субъективные признаки преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности, с момента криминализации статей 282¹ и 282² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) находятся в секторе особого внимания как среди ученых, так и представителей законодательных, правоприменительных и интерпретационных органов при формировании соответствующего курса государственной

© Магнатов Ю. С., 2022

политики [1, с. 101—106]. Это обусловлено значительным количеством обстоятельств. Во-первых, наличием специальной мотивационной основы, подталкивающей лиц к совершению различного рода действий с признаками экстремизма. Во-вторых, ограниченность определения круга деяний экстремистского толка, вытекающих из положений примечания 2 к статье 282¹ УК РФ. В-третьих, возможность совершения исследуемой группы общественно опасных форм поведения специальным субъектом, что ставит вопрос о более четком установлении его индивидуально-юридических характеристик.

Учитывая, что исследуемые составы преступления сконструированы по типу формальных, общепринятым считается, что их совершение возможно только с прямым умыслом, что структурно предполагает доказывание одного (первого) интеллектуального и волевого признаков [2, с. 101]. Именно они раскрывают осознанность общественной опасности таких деяний и желания их совершения. Осознание предполагает понимание субъектом фактического содержания совершаемых им действий, их отрицательное социальное значение, тем самым он предвидит спектр нарушаемых общественных отношений. Волевой признак в рассматриваемом аспекте подкрепляется особым рода мотивацией, подтверждающей желание на совершение действий в составе организованных форм экстремистской деятельности, на детальном анализе которой мы и остановимся на страницах этой статьи.

Мотив (от лат. moveo — «двигаю») — это побудительная причина любого преступного поведения. Его содержанию и юридическому значению уделяется особое внимание не только в уголовном праве, но и в уголовном процессе. Сверхзначимым данное направление видится в области противодействия экстремизму, так как наблюдается широкомасштабное распространение преступлений, основанных на особом рода экстремистской мотивации. Основа представляемой позиции, на наш взгляд, заключена в словах Жан-Поля Сартра: «... достаточно, чтобы один человек ненавидел другого, — и ненависть, переходя от соседа к соседу, заражает все человечество» [3, с. 26]. Их содержание позволяет говорить о том, что мотивация и формирует основной базис будущего криминального поведения, так как именно она толкает субъекта на нарушение закона. В этой связи можно утверждать, что мотив фактически определяет и объект преступного посягательства. Полагаем, что с такой позицией согласен сам

законодатель, закрепив особый мотив экстремистских деяний в главе 29 УК РФ, включившей в себя деяния с признаками экстремизма, тем самым выделив основы конституционного строя и безопасности государства в качестве базового (видового) объекта общественно опасных деяний, конструктивными признаками которых выступают разные вариации экстремистской деятельности. На особое мотивационное поведение в рамках противодействия экстремизму акцентируют внимание и международные организации [4, с. 373—377].

Показательным является и тот факт, что мотив имеет межотраслевое значение. Являясь неотъемлемым элементом субъективной стороны в разрезе материального права, особый акцент на его установление сделан и в уголовно-процессуальном законодательстве, вводя его в систему обязательных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Законодатель, закрепляя их в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, выводит мотив на второе место, тем самым определяя его особый уровень значимости в области противодействия преступности.

Особо это осознается в рамках противодействия экстремизму. На этом и базируется вся государственная стратегия снижения экстремистской активности, нацеленной на повышение уровня конфликтности в современном обществе, построенной на протестной деятельности. Начало было положено в 2007 году в результате принятия двух документов: Федерального закона от 10 мая 2007 года «О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [5] и Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» [6].

Сформированное в нем понятие преступлений экстремистской направленности, содержание которого в настоящее время не охватывает весь спектр общественно опасных деяний с признаками экстремизма, в качестве ключевого, юридически значимого критерия закрепило ненависть или вражду. То есть мы приходим к выводу, что концепт, представленный в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ, прямо свидетельствует о том, что преступления экстремистской направленности и общественно опасные деяния с признаками экстремистской деятельности

соотносятся как часть и целое. Поэтому вторая, то есть более общая группа деяний, может включать в себя и другую мотивационную основу. Вместе с тем это не лишает их статуса экстремистских деяний в более широком понимании, нежели это представлено в примечании к статье 282¹ УК РФ, что можно продемонстрировать в том числе и на примере статей, расположенных в главе 29 УК РФ.

Так, статьи 280¹, 280² УК РФ охватывают более широкую мотивационную основу, нежели указанную в вышеотмеченном примечании. Хотя Пленум Верховного Суда Российской Федерации статью 280¹ УК РФ относит к преступлениям экстремистской направленности [7], что, с нашей точки зрения, дискуссионно по причине излишне расширительного толкования понятия такого рода деяний. Однако в статье 282¹ УК РФ, закрепляющей одну из специальных организованных форм экстремистской деятельности, в качестве обязательного, криминообразующего признака закреплена цель его создания, ограничивающаяся экстремистской мотивацией.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что наличие иного мотива, ставшего побуждением для создания такой группы в целях совершения преступлений с признаками экстремистской деятельности, не входящих в группу общественно опасных деяний экстремистской направленности, с учетом буквального толкования положений уголовного закона, не образует состава преступления, отраженного в статье 282¹ УК РФ. Считаем это существенным пробелом уголовного законодательства, разрешение которого будет представлено далее. Вместе с тем, учитывая действующую редакцию статьи 282¹ УК РФ, нельзя не остановиться на рассмотрении мотивов, изложенных в примечании к ней.

Такого рода размышления хотелось бы начать с констатации излишней репрессивности юридико-технического приема, определяющего понятие преступлений экстремистской направленности. Он видится нам не совсем обоснованным, так как дает официальное основание для отнесения к исследуемой группе деяний, любого умышленно совершенного преступления и обремененного экстремистской мотивацией. Анализируемый прием дискуссионен по следующим причинам. Во-первых, он затрудняет понимание явления, с которым предложенный подход и нацелен бороться, так как до безграничности размывает границы экстремизма. По решению отмеченной проблемы в доктрине

существует много авторских подходов. Наиболее приемлемой для нас является позиция, ограничивающая круг таких деяний положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», то есть отнесения к таковым только тех общественно опасных форм поведения, которые закреплены в главах 24, 29 и 34 УК РФ [8, с. 12].

Во-вторых, как верно подчеркнул И. М. Мацкевич, репрессии не должны быть основным инструментом борьбы с деяниями, основанными на экстремистской мотивации [9, с. 3—5]. Именно эта позиция очень активно поддерживается в науке, так как его поступательная реализация не повлечет достижения желаемого результата, а, наоборот, усугубит его [10, с. 104—107].

С учетом того, что ненависть или вражда — это взаимодополняемые понятия [11, с. 96], обратим внимание на их этимологическое содержание. Ненависть — отвращение, нетерпение, невыносимость, чувство сильной вражды [12, с. 523; 13, с. 106]. Вражда — несогласие, неприязнь, ненависть [12, с. 523; 13, с. 106]. Отмеченное указывает на их возможную синонимичность [14, с. 21]. С нашей же точки зрения, их главное отличие видится в форме выражения. Так, если ненависть — это более пассивная форма поведения, характеризующая просто чувство, и эту позицию поддерживают психологи [15, с. 206], то вражда выражается в действиях, демонстрирующих это состояние. Как верно отмечается в научных исследованиях, именно мотив ненависти порождает вражду, то есть выступает в качестве побудительного стимула для совершения преступных действий, обремененных ими [16, с. 39]. Следовательно, рассматривать их в отдельности методологически неверно, так как они всегда встречаются в комплексе при совершении разного рода экстремистских деяний. В этой связи, как верно подчеркивает С. М. Кочои, использование союза «или» при юридико-техническом конструировании рассматриваемого примечания излишне по причине отсутствия принципиальной разницы [17, с. 330—332].

Остановимся на рассмотрении их разновидностей, закрепленных в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ, фактически выражающих самостоятельные формы нетерпимости.

Политическая ненависть или вражда предопределена самой сущностью политики как искусства управления государством [18, с. 453—454], то есть деятельность субъекта, испытывающего ее, как верно отмечает П. А. Кабанов, предопределяет, например, выбор потерпевшего, (политический лидер, политический

противник и т. п.), а также цели противоправной деятельности (принятие необходимого политического решения, победы на выборах и т. п.) [19, с. 57]. Полагаем, что примером такого рода экстремистской деятельности может стать деятельность общественного движения «Штабы Навального».

Идеологическая (идеология — это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности) ненависть или вражда нацелена на разрушение тех идей, которые представляют полный противоположный базис как в развитии отдельной личности, так и группы людей, ими объединенных. Чаще всего, если мы говорим об экстремизме, идеология воспринимается как миссия, выполнение которой является неотъемлемым и обязательным элементом деятельности такого рода общности [20, с. 61—68]. Примером идеологической ненависти или вражды в исследуемой нами области может выступать деятельность движения АУЕ, пропагандирующего распространение криминальной идеологии.

Мотив расовой ненависти или вражды формируется на основании внутренних побуждений, выражающихся в желании продемонстрировать не только свое превосходство, а и неполноценность представителей иной расы путем совершения в отношении них противоправных действий, нацеленных на нарушение основных прав и свобод. Ярчайший пример такого рода ненависти или вражды может быть представлен в деятельности ультраправого экстремистского движения «Скинхеды» [21, с. 42—46].

Ненависть или вражда, основанная на религии, также имеет свои конструктивные особенности. Превосходство и неприятие других групп строится на основе радикальных религиозных взглядов, приветствующих не только унижение, но и уничтожение представителей других религиозных конфессий. Примером такого рода ненависти или вражды выступает деятельность запрещенных на территории Российской Федерации таких международных религиозных объединений, как «Нурджулар», «ТаблигиДжамаат» и др.

Еще раз обратившись к буквальному толкованию примечания 2 к статье 282¹ УК РФ, приходим к следующему выводу. Только наличие специального рода мотивации доказывает цель созданной организованной группы, что дает основание для признания ее экстремистским сообществом. Соответственно, его отсутствие

при совершении иных деяний, относящихся к категории экстремистских, также в составе организованной формы совместной деятельности (например, статья 280¹ и 280² УК РФ) не дает нам возможности квалифицировать такого рода поведение по статье 282¹ УК РФ. Это существенный пробел в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности. Решение данного вопроса лежит в плоскости дополнения диспозиции статьи 282¹ УК РФ еще одной категорией преступлений, ради которой и создается экстремистское сообщество, тем самым подтверждая альтернативность целей. В науке сложилось устоявшееся мнение о том, что, например, экстремистское сообщество может быть создано не только для возбуждения ненависти или вражды, но и для подрыва и ослабления власти [22, с. 93]. В этой связи, как уже ранее нами было отмечено, наиболее емким понятием, характеризующим исследуемую группу общественно опасных форм поведения, выступает категория «преступления с признаками экстремистской деятельности». Полагаем, что такой прием прямо корреспондируется как с положениями статьи 282² УК РФ, так и профильным федеральным законом, также используется формулировка «экстремистская деятельность», а не «преступления экстремистской направленности». Схожий прием реализован в рамках смежных деяний в статьях 205⁴ и 205⁵ УК РФ, что еще раз подтверждает правильность нашего предложения.

На основании вышеизложенного на обсуждение научного сообщества выносятся следующая редакция диспозиции статьи 282¹ УК РФ: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и (или) преступлений с признаками экстремистской деятельности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности и (или) преступлений с признаками экстремистской деятельности»

Предлагаемый юридико-технический прием будет наиболее оптимальным, так как не исключает использование уже наработанного законодательного, правоприменительного и интерпретационного опыта в области борьбы с

криминальными формами экстремизма, обремененного специальной мотивацией. Вместе с тем он расширяет возможности уголовного законодательства в противодействии организованным формам экстремистской деятельности, не обремененным такого рода побуждениями, но при этом создаваемым в целях совершения деяний с признаками экстремизма.

Симметрично вышеизложенному должны быть изменены и пункты 12 и 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Обращаясь к примечанию 2 к статье 282¹ УК РФ, мы обнаруживаем еще одну возможную внутриотраслевую коллизию. Фактически преступной может быть ненависть или вражда, лишенная отмеченной выше мотивации, выражаемая в отношении каких-либо социальных групп. Такая законодательная интерпретация породила серьезную дискуссию. Использование термина «каких-либо» не дает ясности в характеристиках таких групп, что, по нашему мнению, опять же повышает уровень репрессивности уголовной политики в данной области [23, с. 14—20], что неоправданно, а также в очередной раз подтверждает неопределенность законодателя в существенных характеристиках экстремизма.

Вышеизложенное, по мнению уважаемых ученых, может повлечь два существенных отрицательных эффекта. Во-первых, рост псевдоэкстремистских деяний. Во-вторых, злоупотребление правом [24, с. 97—110], что, конечно, недопустимо. В судебно-следственной практике встречаются следующие наиболее яркие примеры результатов такой полисемии мнений правоприменителя. Так, например, к социальным группам отнесены представители движений «Готы», «Эмо», «Антифашисты» [25, с. 323—324].

Полагаем, что с такой позицией сложно согласиться в соответствии со следующими позициями. Учитывая месторасположение рассматриваемого примечания, мы должны понимать, что содержание социальной группы должно четко корреспондироваться с теми благами и ценностями, которые находятся под непосредственной охраной главы 29 УК РФ. В этой связи охрана конституционного строя и безопасности государства должна строиться на основополагающих идеях, задекларированных в Конституции России. Исходя из ее текста, мы приходим к выводу о том, что охрана деструктивных, асоциальных течений не входит в круг общественных отношений, охватываемых главой 29 УК РФ. Вместе с тем мы не говорим о том, что представители таких движений не должны охраняться

нормами уголовного закона. Учитывая наличие у их представителей, как и у любого другого человека, основных прав и свобод, считаем, что посягательства на них должны оцениваться в соответствии с разделом VI УК РФ, но без учетаотягчающего признака, закрепленного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ. Для обоснования представленного вывода приведем следующие наукоёмкие аргументы.

Во-первых, исходя из общей стратегии противодействия экстремизму, к социальным группам могут быть отнесены только те объединения, которые имеют существенное социальное значение, например сотрудники полиции. Именно такой прием и был использован в одном из последних государственных решений при признании движения АУЕ экстремистской организацией [26]. Во-вторых, их деятельность корреспондируется с современными задачами развития российского общества, представленными в Конституции Российской Федерации.

В этой связи, кроме общепринятых признаков [27], социальная группа в разрезе проводимого нами исследования должна быть социально положительно направленной и значимой [28, с. 4—9], то есть правомерно взаимодействовать как внутри, так и за пределами группы.

Насчет признаков социальной группы в науке существует масса авторских подходов, от наиболее емких до более конкретных. Подчеркнем, что с данной проблемой не разобрался пока еще и Верховный Суд Российской Федерации [29, с. 417—420].

Например, З. М. Бешукова считает, что социальная группа в рамках примечания 2 к статье 282¹ УК РФ представляет собой совокупность индивидов, находящихся в определенном взаимодействии и тем самым формирующих определенные социальные отношения [10, с. 104—107]. В целом соглашаясь с тем, что представленная позиция сходит с общим мнением социологов, подчеркнем, что в рамках проводимого исследования такого рода унификация не приемлема. Связано это с особой мотивационной основой, подталкивающей преступников на совершение деяний именно в отношении конкретной социальной группы, тем самым раскрываются признаки экстремистской деятельности.

Более четкие признаки социальной группы в разрезе противодействия экстремизму также представлены в уголовно-правовой доктрине. К ее наиболее характерным чертам предлагается относить мотив, отраженный в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ, что и становится

причиной выбора оппонентов и главной детерминантой преступного поведения в отношении них [8, с. 290].

В целом не исключая представляемый мотив, подчеркнем, что он должен быть существенно расширен в целях охвата всех форм общественно опасного поведения с признаками экстремистской деятельности.

Рассмотрев общий и частный подходы к пониманию признаков социальной группы, считаем, что под ней следует понимать группу из двух или более человек, сформированную на основе пола, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, осуществляющим совместную социально полезную деятельность, вступающим (способным вступить) в общественные отношения именно как представители группы, т. е. устанавливающим в качестве таковых социальную связь с другими субъектами. Данные характеристики выступают в качестве главной детерминанты совершения в отношении них преступления (преступлений) с признаками экстремистской деятельности.

Следующим элементом, входящим в систему субъективных признаков, являются характеристики субъектов преступлений, отраженных в статьях 282¹ и 282² УК РФ. Отдельной категорией, входящей в их систему, наравне с основным субъектом становятся лица, наделенные дополнительным правовым статусом, позволяющим использовать свое служебное положение в криминальных целях. Такой признак отражен в части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ.

Как верно отмечено в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», представленное понятие является собирательным и охватывает всех лиц, входящих в круг должностных, а также выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, то есть соответствует критериям, указанным в примечаниях к статьям 201 и 285 УК РФ. Но этим позиция специальных субъектов не ограничивается. По мнению высшей судебной инстанции, представленная в части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ форма отягчающего признака должна толковаться более расширительно и охватывать в том числе и лиц, не являющихся должностными, но при этом являющихся муниципальными или государственными служащими. Если с первыми

двумя группами есть ясность в том, что их специальные полномочия могут способствовать совершению преступлений экстремистской направленности, то в рамках последней фактически отягчающим является сам статус такого субъекта, так как сложно предположить, каким же служебным положением он может воспользоваться для совершения таких деяний. Хотя в науке наиболее распространенный подход, встречающийся при разъяснении отмеченной выше позиции, предполагает не просто выполнение такими субъектами объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 282¹ или 282² УК РФ, но и обязательное использование принадлежащих им полномочий, в том числе и путем оказания влияния, исходя из авторитета и значимости занимаемой должности [30].

Полагаем, что по данному вопросу можно вступить в дискуссию путем демонстрации частично иного вектора развития уголовной политики в борьбе с преступлениями, совершающимися специальными субъектами. Продемонстрируем мы ее на примере пункта «о» части 1 статьи 63 УК РФ (Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел), где наличие самого специального статуса отягчает вину в независимости от наличия или отсутствия факта использования имеющихся у данного субъекта полномочий при совершении общественно опасного деяния.

В рамках определения Конституционного Суда Российской Федерации изложена позиция по запросу нижестоящей судебной инстанции с акцентом на возможное нарушение принципа равенства перед законом или судом, что может привести к дискриминации по профессиональному признаку, то есть нарушению статьи 19 Конституции России [31].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении не согласился с отмеченной выше позицией, приведя следующие аргументы. Во-первых, со ссылкой на свое постановление 2003 года было подчеркнуто, что признаки субъекта преступления, а особенно дополнительно его характеризующие, должны способствовать адекватной оценке общественной опасности деяния, им совершенного. В этой связи именно их неучет противоречит запрету на дискриминацию и принципам гуманизма и справедливости [32].

Во-вторых, федеральный законодатель, определяя статус сотрудника органа внутренних дел как отягчающий вину, исходил из того, что на него возложены особые конституционно значимые функции.

В-третьих, совершение таким лицом деяний указывает на противопоставление себя целям и задачам выполняемой профессиональной деятельности.

В-четвертых, подобное поведение формирует негативное отношение в обществе к представителям и институтам государственной власти в целом, что требует поиска более адекватных мер реагирования на такого рода поведение.

То есть прием, изложенный в пункте «о» части 1 статьи 63 УК РФ, не выходит за рамки полномочий федерального законодателя, обладающего значительным усмотрением при определении содержания и приоритетов проводимой в условиях конкретной социально-экономической ситуации уголовной политики и не может расцениваться как противоречащее конституционному принципу равенства всех перед законом [31]. В этой связи в очередной раз сложно согласиться с мнением ученых, настаивающих на возможности квалификации преступлений по части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ только в случае использования представленных государством полномочий в криминальных целях [33]. В целом наличие такого спецсубъекта дает основание отнести исследуемые деяния в том числе и к группе служебных преступлений.

В этой связи нам импонирует позиция А. Г. Безверхова, предлагающего в императивном формате учитывать наличие таких полномочий, какотягающее вину обстоятельство, независимо от наличия или отсутствия факта их использования при совершении преступлений [34, с. 12]. Как верно, с нашей точки зрения, указывал Б. С. Утевский, использование служебных полномочий может выражаться в совершении действий, которые не связаны с выполнением служебных обязанностей, но осуществляемых благодаря должностному авторитету и влиянию, возникших в результате приобретения такого особого правового положения. Таким образом, наличие статуса должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях, государственного служащего или служащего органов местного самоуправления, предопределяет необходимость его учета в качестве усиливающего наказание.

Учитывая, что от экстремизма исходит не меньшая опасность для интересов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, в целом ставя в опасность государственную власть, считаем целесообразным использовать такой прием и при рассмотрении положений части 3 статьи 282¹ и части 3 статьи 282² УК РФ.

Подводя итог в исследовании особенностей правовой оценки субъективных элементов состава преступлений, содержащих признаки специальных организованных форм экстремистской деятельности, отметим следующее. Во-первых, с учетом необходимости расширения мотивационной основы преступлений, предусматривающих ответственность за особые виды организованных форм экстремистской деятельности, необходимо включение в Уголовный кодекс еще одного понятия — «преступления с признаками экстремистской деятельности». Во-вторых, необходима реализация более конкретизированного приема при определении признаков специальных субъектов, участвующих в деятельности специальных организованных форм экстремистской деятельности.

Список источников

1. Востриков П. П., Петрянин А. В. Концептуальные особенности государственной политики противодействия экстремизму: теоретико-правовые аспекты // *Власть*. 2014. № 3. С. 101—106.
2. Уголовное право. Часть общая / под ред. проф. Б. В. Здравомыслова. М., 2001. 550 с.
3. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М.: Издательский дом «Юриспруденция», 2015. 264 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2022).
4. Петрянин А. В. Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // *Юридическая техника*. 2011. № 5. С. 373—377.
5. О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 10 мая 2007 г. № 70-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2007. № 21, ст. 2456.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2007. № 31, ст. 4008.
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2011. № 8, август.
8. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 490 с.

9. Мацкевич И. М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // *Юридическое образование и наука*. 2014. № 2. С. 3—5.

10. Бешукова З. М. К вопросу о понятии преступления экстремистской направленности // *Общество и право*. 2011. № 1. С. 104—107.

11. Ревина В. В. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 188 с.

12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. 780 с.

13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992. 955 с.

14. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

15. Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.

16. Соловьева С. В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 195 с.

17. Кочои С. М. Мотив национальной или расовой ненависти или вражды в УК РФ // *Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов*. Саратов: Сателлит, 2008. С. 330—332.

18. Политика: Толковый словарь: Русско-английский / под ред. А. Маклина. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2001. 762 с.

19. Кабанов П. А. Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности // *Следователь*. 2008. № 2.

20. Макеева И. С. Экстремизм как уголовно-правовая категория // *Законодательство и экономика*. 2014. № 6. С. 61—68.

21. Агапов П. В. Движение скинхедов как проявление ультраправого экстремизма в современной России (социально-политический и криминологический анализ) // XVI Царскосельские чтения: Человек — гражданин — гражданское общество — правовое государство: материалы международной научной конференции, 24—25 апреля 2012 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012, Т. I. С. 42—46.

22. Зубалова О. А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 180 с.

23. Кибальник А., Соломонович И. «Экстремистское» хулиганство — нонсенс уголовного закона // *Законодательство*. 2008. № 4. С. 14—20.

24. Наумов А. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями на почве расовой, национальной, религиозной и иной ненависти в США: опыт законодательства и правоприменительных органов (сравнительно-правовое исследование) // *Общество и право*. 2009. № 4. С. 97—110.

25. Агапов П. В., Борисов С. В., Васнецова А. С. и др. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. 428 с.

26. Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с. URL: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 16.01.2022).

27. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.

28. Борисов С. В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // *Уголовное право*. 2013. № 6. С. 4—9.

29. Цепелев В. Ф. Преступления экстремистской направленности: общие подходы и проблемы // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29—30 января 2015 г.)*. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 417—420.

30. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С. В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. 264 с.

31. По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2022).

32. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1—8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 14, ст. 1302.

33. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. 368 с.

34. Безверхов А. Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. 20 с.

References

1. Vostrikov P. P., Petryanin A. V. Conceptual features of the state policy of countering extremism: theoretical and legal aspects. *Power*, 2014, no. 3, pp. 101—106. (In Russ.)
2. Criminal law. Part general / ed. by prof. B. V. Zdravomyslova. Moscow, 2001. 550 p. (In Russ.)

3. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal liability. Moscow: Jurisprudence Publ., 2015. 264 p. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 16.01.2022). (In Russ.)

4. Petryanin A. V. International regulation of the fight against extremism: continuity and prospects. *Legal Technique*, 2011, no. 5, pp. 373—377. (In Russ.)

5. On Amendments to Articles 214 and 244 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: federal law no. 70-FZ of May 10, 2007. *Collection of Legislation of the RF*, 2007, no. 21, art. 2456. (In Russ.)

6. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of countering extremism: federal law no. 211-FZ of July 24, 2007. *Collection of Legislation of the RF*, 2007, no. 31, art. 4008. (In Russ.)

7. On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation: decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11 of June 28, 2011. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2011, no. 8, August. (In Russ.)

8. Petryanin A. V. Conceptual bases of counteraction to crimes of an extremist orientation: theoretical and applied research. Dissertation... doctor of legal sciences. N. Novgorod, 2015. 490 p. (In Russ.)

9. Matskevich I. M. On proposals aimed at further improvement of legislation on extremism. *Legal education and science*, 2014, no. 2, pp. 3—5. (In Russ.)

10. Beshukova Z. M. To the question of the concept of extremist crime. *Society and Law*, 2011, no. 1, pp. 104—107. (In Russ.)

11. Revina V. V. Extremism in Russian criminal law. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2010. 188 p. (In Russ.)

12. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow, 1995. Vol. 2. 780 p. (In Russ.)

13. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, 1992. 955 p. (In Russ.)

14. Kunashev A. A. Motives of hatred or enmity in the criminal law of Russia. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)

15. Brief psychological dictionary / ed. by A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. Moscow: Politizdat Publ., 1985. 431 p. (In Russ.)

16. Solovieva S. V. Crimes committed motivated by hatred or enmity: issues of qualification, penalization and sentencing. Dissertation... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2014. 195 p. (In Russ.)

17. Kochoi S. M. The motive of national or racial hatred or enmity in the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal law prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: collection of scientific papers. Saratov: Satellite Publ., 2008, pp. 330—332. (In Russ.)

18. Politics: Explanatory Dictionary: Russian-English / ed. by A. McLean. Moscow: INFRA-M Publ.; Whole world Publ., 2001. 762 p. (In Russ.)

19. Kabanov P. A. Political hatred or enmity as one of the motives for extremist crimes. *Investigato*, 2008, no. 2. (In Russ.)

20. Makeeva I. S. Extremism as a criminal law category. *Legislation and Economics*, 2014, no. 6, pp. 61—68. (In Russ.)

21. Agapov P. V. The Skinhead Movement as a Manifestation of Ultra-Right Extremism in Modern Russia (Socio-Political and Criminological Analysis) // XVI Tsarskoye Selo Readings: Man — Citizen — Civil Society — Law-based State: Proceedings of the International Scientific Conference, April 24—25, 2012, St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkina, 2012. Vol. I. Pp. 42—46. (In Russ.)

22. Zubalova O. A. Criminal law measures to combat the organization of an extremist community. Dissertation... candidate of legal sciences. N. Novgorod, 2013. 180 p. (In Russ.)

23. Kibalnik A., Solomonenko I. "Extremist" hooliganism is the nonsense of the criminal law. *Legitimacy*, 2008, no. 4, pp. 14—20. (In Russ.)

24. Naumov A. V. Criminal-legal fight against crimes motivated by racial, national, religious and other hatred in the USA: experience of legislation and law enforcement agencies (comparative legal research). *Society and Law*, 2009, no. 4, pp. 97—110. (In Russ.)

25. Agapov P. V., Borisov S. V., Vasnetsova A. S. and others. Extremism: strategy of counteraction and prosecutor's supervision: monograph. Moscow: Acad. Gen. Prosecutor's Office RF, 2015. 428 p. (In Russ.)

26. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 in case no. AKPI20-514s. URL: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/10730656> (accessed 16.01.2022). (In Russ.)

27. Merton R. Social theory and social structure. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.)

28. Borisov S. V. Problems of determining the content and correlation of motives in the qualification of extremist crimes. *Criminal Law*, 2013, no. 6, pp. 4—9. (In Russ.)

29. Tsepelev V. F. Extremist Crimes: General Approaches and Problems. Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference (January 29—30, 2015). Moscow: RG-Press Publ., 2015, pp. 417—420. (In Russ.)

30. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal liability: monograph / ed. by S. V. Borisov. Moscow: Jurisprudence Publ., 2015. 264 p. (In Russ.)

31. At the request of the Labytnangsky City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug to verify the constitutionality of paragraph "o" of the first part of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation:

ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1623-O-O of December 8, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 16.01.2022). (In Russ.)

32. On the case of checking the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's conviction, repeated and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1-8 of the Decree of the State Duma of May 26, 2000 of the year "On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the

Great Patriotic War of 1941—1945" in connection with the request of the Ostankino Intermunicipal (District) Court of the City of Moscow and the complaints of a number of citizens: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 3-P of March 19, 2003. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 14, art. 1302. (In Russ.)

33. Volzhenkin B. V. Official crimes. Moscow: Lawyer Publ., 2000. 368 p. (In Russ.)

34. Bezverkhov A. G. Official (official) crimes and misdemeanors. Author's abstract... candidate of legal sciences. Kazan, 1995. 20 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 24.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.